

Основные Критерии Идеологии И Ее Научная Объективность

Юлдашева Матлуба Мунаваровна

Доцент кафедры философии и религиоведения

Кокандский государственный университет

ABSTRACT

В статье рассматриваются основные критерии идеологии и ее научная объективность. Анализируются различные подходы к определению идеологии, ее структуры и функций в обществе. Особое внимание уделяется вопросу объективности идеологических концепций в научном дискурсе. Автор подчеркивает роль идеологии в формировании общественного сознания, ее влияние на политические, социальные и экономические процессы. В ходе исследования выявляются ключевые признаки, позволяющие оценить степень объективности идеологических учений. Статья может быть полезна для ученых, занимающихся политологией, философией, социологией и другими гуманитарными дисциплинами

The article examines the main criteria of ideology and its scientific objectivity. Various approaches to defining ideology, its structure, and functions in society are analyzed. Special attention is paid to the issue of the objectivity of ideological concepts in scientific discourse. The author emphasizes the role of ideology in shaping public consciousness and its influence on political, social, and economic processes. The study identifies key characteristics that allow assessing the degree of objectivity of ideological doctrines. This article may be useful for researchers in political science, philosophy, sociology, and other humanities.

ARTICLE INFO

Received: 28th July 2025

Accepted: 26th August 2025

KEY WORDS:

идеология, объективность, наука, критерии, общественное сознание, политические процессы. ideology, objectivity, science, criteria, public consciousness, political processes.

Введение. В Узбекистане национальную идею можно рассматривать как стратегическое направление, определяющее долгосрочные цели и задачи общества. Это понятие включает в себя представления о миссии узбекского народа, его исторической судьбе и культурных особенностях. Значимость национальной идеи заключается в ее мобилизующей роли, способствующей объединению общества вокруг общих ценностей и идеалов. В условиях Узбекистана национальная идея особенно связана с укреплением независимости, сохранением культурной самобытности и духовного наследия. Идеи, лежащие в основе узбекской национальной идеи, подчеркивают важность роли государства в обеспечении мира, межнационального согласия, уважения к традициям и защите культурных ценностей.

Привлекательность национальной идеологии для диаспоры определяется ее внутренним многообразием, концептуальной целостностью и критериями национального самосознания. Национальная идеология сформировалась как общенациональное понятие, способное объединить всех узбекистанцев, независимо от места их проживания и социальной среды, в которой они выросли.

Национальная идеология не делает различий между людьми по их политическим взглядам, мировоззрению и социальному положению. Она основывается не только на этническо-национальных особенностях, но и на факторе долга перед Родиной. Еще одной характерной чертой национальной идеологии является продвижение идеи о том, что государство Узбекистан является политической основой для узбеков всего мира.

Наряду с подходами, которые углубляются в сущность идеологии и объясняют ее детерминированность различными явлениями (социальная обусловленность идеологии, психологические и аксиологические подходы к появлению идей), в политологии можно выделить также оценочный подход исследователей. Этот подход предполагает внешний взгляд на идеологию как на сформировавшееся явление, сравнивая его с истиной, моралью, свободой и достоинствами личности. Безусловно, такая трактовка идеологии является субъективной и предвзятой. Именно в этом заключается слабость оценочной концепции идеологии – она оказывается неспособной изучить ее социальные корни и последствия.

«Идеология на протяжении практически всей осознанной истории человечества была мощным оружием в руках власти. Разумеется, содержание идеологий может быть различным, но все они решают схожие задачи. Это мобилизация людей в единую целостность и их последующее объединение вокруг тех, кто находится у власти и несет в себе основу интеграции. Это также задача упрощенного и четкого объяснения окружающей действительности» [1].

Анализ литературы. В развитии политологии неоднократно появлялись теории, которые в определенной степени рассматривали идеологию. Дело в том, что оценочный подход позволяет рассматривать идеологию с функциональной точки зрения и более полно выражать её значение в социально-политических процессах. Одним из таких подходов стало понятие «идеологизация». Оно основывалось на идеях, выдвинутых в начале 60-х годов.

Американский социолог и политолог Дэниел Белл и другие известные исследователи продвигали концепцию «постиндустриального общества». В своей книге *«Грядущее постиндустриальное общество»*, опубликованной в 1973 году в Нью-Йорке, Белл пытался разработать и представить эту концепцию как полноценную теорию. По сути, он подходил к объяснению социально-культурной реальности и пониманию социально-исторического процесса с точки зрения технологического детерминизма [2].

Основной характеристикой политической сферы на постиндустриальном этапе развития общества, по мнению Белла, является отделение управления от собственности, плюралистическая демократия и «**меритократия**». Он считал, что меритократия является ключевым компонентом постиндустриального развития и представляет собой принципиально новый способ управления обществом. В таком обществе правящая элита выполняет свои функции независимо от идеологии и политики, не ориентируясь на узкие интересы конкретного класса (например, капиталистов), а действует в интересах всего общества [2]. Фактически, в понимании Белла постиндустриальное общество означало окончательное устранение классовых противоречий в результате научно-технической революции и постепенной трансформации современного капитализма. Однако эта идея вызвала сомнения у многих сторонников теории постиндустриального общества, поскольку принижение социальной значимости идеологии, её политизация и влияние на мировое сообщество ставили под угрозу основы капиталистического общества, а также ослабляли марксистско-ленинскую идеологию.

С конца 50-х – начала 60-х годов XX века научно-техническая революция создала условия для «размывания» социальной структуры общества и разрешения классовых конфликтов с помощью правовых механизмов. Известные представители западной политологии были уверены, что эпоха идеологий осталась в прошлом. Американский социолог Эдвард Альберт Шилз первым выдвинул тезис о «конце идеологий» [3]. Авторами концепции «деидеологизации» стали Э. Шилз, С. М. Липсет в США, а также Р. Арон и Ж. Фурастье во Франции. В их подходе главным критерием идеологии считался её отход от научной объективности. Согласно их взглядам, если идеология проникает в социологию и другие науки, то не может существовать ни объективной социальной теории, ни

объективной естественной науки. Из этого следовало, что необходимо положить конец господству идеологий.

В этом контексте появилось понятие «идеологизация». По мнению С. М. Липсета, к середине XX века современное индустриальное общество могло решать свои проблемы вне идеологических догм. Э. Шилз пытался обосновать необходимость чистой, свободной от идеологических ценностей социальной науки. «Деидеологизация» имела два адресата: научно-техническую интеллигенцию и обычное население, воплощающее в себе тип «потребительского человека». Для научно-технической интеллигенции новым контекстом стали позитивистские взгляды. Эти идеи представляли собой идеал точного знания, опираясь на который технократическое общество защищало себя от моральной и идеологической цензуры со стороны «традиционалистов» – левых и правых идеологических крыльев [4].

Лозунг сторонников «освобождения от идеологии» заключался в следующем тезисе: все, чего идеологические «левые» стремятся достичь через социальную революцию, можно гораздо эффективнее реализовать с помощью научно-технической революции.

Для потребителя, которого технократы рассматривали как союзника в борьбе против «традиционного менталитета», «деидеологизация» означала восстановление «принципа удовольствия», ослабление давления старой морали, что препятствовало его возвращению к «традиционному менталитету».

Одновременно с утверждением этой новой концепции в Западной Европе связывались не только надежды на социально-политическую стабилизацию обществ, пострадавших от войн и классовых противоречий, но и на модернизацию сознания, преодоление традиционной утопичности и иррационализма.

Методология исследования. Появление концепции «деидеологизации» стало восстанием рационалистического сознания против иррациональных идеологий. Однако существует и другая сторона медали. Согласно той же концепции, идеологии способны «узаконивать» общество даже в эпоху научно-технического прогресса. Несмотря на то, что идеологии являются иллюзорной формой сознания, они способны приводить общество в движение, направлять реальные политические процессы и одновременно отражать существующие социальные отношения. Таким образом, сама концепция «деидеологизации» ставит под сомнение трактовку идеологии исключительно как ложного сознания. Либо это сознание ошибочно, и тогда крах идеологий, о котором заявляли сторонники теории «деидеологизации», неизбежен, либо идеология является сложным явлением, способным включать в себя ряд позитивных элементов.

Концепцию «деидеологизации» можно рассматривать как попытку заменить одну идеологию другой. Примечательно, что даже те, кто впервые объявил о «конце идеологии», впоследствии были вынуждены отказаться от своих предсказаний. Таким образом, она стала не чем иным, как реакцией на экономические кризисы и «нормативные отклонения» старых систем. По мнению американских политологов Джина Л. Коэна и Э. Аратона, эти процессы «имели четкие цели, ясно выраженные общие ценности и интересы и разумно определенные стратегии», то есть опирались на глубоко идеологизированную политическую платформу [5]. В ответ на такие явления в мировом политическом процессе возникла концепция «реидеологизации», подчеркивающая значение идеологии в социальном развитии.

Франкфуртская школа – феномен XX века и его противоречий. Пик её расцвета и формирование её основных взглядов пришлись на 1930–1960-е годы, то есть на период триумфа индустриального капитализма на «фордистско-тейлористской» или «фордистско-кейнсианской» стадии. Франкфуртская школа пыталась осмыслить и проанализировать эту социальную ситуацию. По мнению её представителей, индустриальное конвейерное производство требовало формальной рационализации, строгой научности и предсказуемости в общественной жизни. Например, Т. Шройер отмечал, что в современном обществе подавление человека происходит не столько в экономическом или социальном плане, сколько в плане «рациональности» [6].

Представители Франкфуртской школы также обращали внимание на подавление личности господствующей культурной средой. В своей работе «Технология и наука как идеология» Ю. Хабермас

различал две формы идеологии: традиционную политическую идеологию прошлого и современное «идеологическое» технократическое сознание, свойственное индустриальному обществу. Новая форма идеологии лишена некоторых элементов «ложного сознания», присущих старым идеологиям. Г. Маркузе также рассматривал науку и технологии как новые формы идеологии, утверждая, что сам концепт «технического разума» может превращаться в идеологию [7]. Технологии стали инструментом «репрессивного управления» и социального контроля, приобретая, таким образом, политико-идеологическое значение.

Анализ и результаты. Франкфуртские мыслители изучали различие между формальной и субстантивной рациональностью, или между техникой мышления. Формальная рациональность связана с «технократическим мышлением», которое преследует цели, далекие от освобождения человека. Его задача – находить наиболее эффективные средства для достижения любых целей, важных с точки зрения власти. Ему противостоит разум, оценивающий средства с точки зрения универсальных человеческих ценностей: справедливости, мира, счастья и др. С точки зрения «Критической школы», например, нацизм являлся примером формальной рациональности в противостоянии с разумом: «Освенцим был рационален, но непостижим».

Современные технологии представляют собой проявление формальной рациональности. Именно технологии, по мнению Г. Маркузе, завели современное общество в тупик тоталитаризма [8]. Технологии не могут быть нейтральными, напротив, они служат инструментом установления власти одних людей над другими и подавления индивидуальности. В результате формируется «одномерный человек», утративший способность критически оценивать общество и своё место в нём. При этом Маркузе имел в виду не технологии как таковые, а именно технологии в «капиталистическом обществе». Как видно, именно социально-философская основа критической школы привела её представителей к главной мысли: ложность сознания (и, следовательно, идеологии) следует объяснять через саму реальность [8].

Т. Адорно, Ю. Хабермас и другие франкфуртские мыслители различали формы и роль идеологии в буржуазном обществе XIX века и позднем капиталистическом обществе. В XIX веке идеология прежде всего была политической теорией. В современном обществе она принимает иные формы [9].

Он перестал быть теорией и всё больше сливается с пропагандой, формируя вкус «человека массы». По словам другого представителя Франкфуртской школы М. Джемса, это уже давно «административно ... упорядочено (направлено), вторично, ложно и не является подлинным».

Идеология больше не существует как политическая идеология. Она превращается в «экономические», «воспитательные», «пропагандистские» и другие формы. Г. Маркузе писал: «Напротив, в особом смысле развитая индустриальная культура оказывается даже более идеологизированной, чем предыдущая, учитывая её способность к самовоспроизводству» [8].

Культурные и информационные сферы создают иллюзию свободы, чтобы установить у людей нормы, ценности и потребности существующего порядка. Подобное отношение франкфуртцев сформировалось также к идеологизированным научным знаниям. Как и массовая культура, они выполняют двойную роль: помимо образовательной функции, фактически подавляют личность в обществе.

М. Хоркхаймер, Т. Адорно и Г. Маркузе подчеркивали, во-первых, что знания полностью определяются «ценностными условиями» - и в этом смысле они «от и до» партийные (идеологизированные), причем речь идет не только о гуманитарных, но и о естественных (и даже технических) науках [9].

Таким образом, представители Франкфуртской школы выявили тенденцию к гипертрофированию принципа партийной принадлежности, особенно в области социальных наук, доводя его до уровня абсолютного «социологического релятивизма». Весь контент гуманитарного знания, включая фактический материал и методы его обработки, сводится к желанию угнетателей (то есть эксплуататорских классов) сохранить, укрепить и усилить свою власть, а значит, исключительно к политическим устремлениям.

Таким образом, в рамках Франкфуртской школы, как и в целом в левой социологии, наблюдается общий сдвиг в интерпретации идеологии: от деидеологизации к гиперидеологизации. Несмотря на

отрицательную оценку идеологии или даже отрицание её существования в классической форме, концепция гиперидеологизации проявляется повсеместно.

Идеологический принцип гипертрофируется, а границы между идеологией, культурой, политикой и производством полностью исчезают. Однако, несмотря на свою «категоричность», подход франкфуртцев выявил важную особенность феномена идеологии – её проникновение практически во все сферы общественной жизни, её связь с анализом и оценкой развития общества в целом.

Что касается проблем идеологического воздействия политических субъектов на широкие массы, то часто для манипуляции общественным сознанием используются наиболее сложные методы влияния, связанные с повседневной жизнью людей.

Политические идеологии связаны с определенным этапом исторического развития, характеризующимся системной модернизацией всей социально-культурной сферы. Процесс модернизации включает в себя дифференциацию функций социальной целостности и выделение политики в автономную систему со своими специфическими особенностями. Этот процесс автономизации политики совпадает с секуляризацией, которую немецкий политолог определил как «неизменный процесс эмансипации, освобождение государственно-политической и культурной системы от религиозно-теологических определений».

Первым серьезным кризисом в новое время стал кризис Реформации. Разделение церкви привело к освобождению политики. При этом рассматривается не только точка зрения, что идеологии возникают в процессе развития современного общества, но и противоположная точка зрения, согласно которой именно идеологии движут этот процесс вперед. В то же время идеологии, ставшие доминирующей политической культурой Запада, не являются функционально необходимым элементом открытого общества. Они, подобно «костылям», просто были подставлены под современное общество в периоды мировоззренческого кризиса, усугубляя состояние патологического противоречия, что особенно ярко проявляется на примере господствующих идеологий.

В будущем открытое общество должно окончательно освободиться от этих «суррогатов истинного гражданского убеждения». Очевидно, что в процессе разработки теории идеологии различными исследователями произошло постепенное смещение фокуса внимания от причин возникновения идеологии к ее функциям и последствиям, что создало необходимые условия для нейтрализации интерпретации этого явления. В таком случае рано или поздно внимание исследователей должно было обратиться к «методам работы» идеологии и механизмам ее функционирования.

На современном этапе, особенно в западной политологии, широко распространилась интерпретация идеологии как «особой символической формы», согласно которой «глубокая идеологическая» система заменяется другой – более простой, но в то же время более «эффективной» системой – языком символов. Идеология связана с символической структурой социального.

В этом смысле идеология выполняет функцию «языка», позволяющего осуществлять политическую коммуникацию. На уровне социальной психологии это приводит к интеграции индивидов на основе определенных моделей политического поведения. На уровне риторики это выражается в формировании упрощенных стилей и символов, способных привлечь внимание и привести к коллективному действию.

В 1964 году был опубликован сборник «Идеология и протест» под редакцией Д. Аптера, в котором авторы (К. Гирц, Ф. Конверс) предложили новые интерпретации этого «устаревшего» термина [10]. Примерно в то же время появились работы Р. Лейна, посвященные изучению идеологии на уровне массовых убеждений.

Согласно Клиффорду Гирцу, в традиционных обществах (где, безусловно, велика сила ошибочных представлений) маргинальная роль идеологии в современном обществе стремительно возрастает. «Идеология, – говорит он, – создает условия для существования автономной политики, поскольку предоставляет нам авторитетные понятия, а также содержательные и убедительные образы, через которые мы можем воспринимать эту политику» [11]. Такое понимание идеологии привело к появлению новых подходов к ее изучению. В этом же направлении дополнительный импульс дали исследования в области герменевтики и лингвистики.

Идеология стремится обеспечить единство между притязаниями власти и убеждениями граждан, но делает это путем легитимации существующей системы власти. Дальнейшее развитие идеи идеологий как «кодов» происходило в направлении определения их места в процессах символического обмена. На наш взгляд, символические формы сами по себе не несут идеологического содержания, а приобретают его в процессе использования. Именно поэтому многие исследователи – сторонники герменевтического подхода – были вынуждены сосредоточить внимание на структуре социальных отношений, из которых вырастают особые символические формы.

Например, английский социолог Джон Б. Томпсон разработал особый подход к идеологии. По его словам, изучение идеологии требует, во-первых, анализа различных символических форм — от повседневных разговоров до сложных образов и текстов, чтобы понять, как создаются и передаются смыслы; во-вторых, широкого изучения социального контекста, в котором применяются эти символические формы; в-третьих, выявления механизмов, посредством которых значения, мобилизованные через символические формы, служат установлению и укреплению властных отношений [12].

Дж. Б. Томпсон ошибочно предполагает, что основным недостатком предыдущих интерпретаций идеологии было чрезмерное внимание к ее секуляризации и рационализации. Из этого он делает вывод, что идеологии представляют собой светские аналоги религий, своего рода «коды» идей, главной целью которых является объединение общества вокруг ценностей, установленных господствующими классами. Согласно концепции британского ученого, сегодня «основным опорным кругом», в котором должна анализироваться идеология, является «опосредование современной культуры» [12].

С развитием средств массовой информации, по мнению Дж. Б. Томпсона, сфера идеологии в современных обществах значительно расширилась, поскольку СМИ создают возможности для распространения символических форм среди широкой аудитории [12]. СМИ не только являются каналами распространения символических форм, но и сами их создают.

В целом, предлагаемая концепция идеологии Дж.Б. Томпсона привлекает внимание исследователей от анализа философских текстов, политических программ и учений к изучению широкомасштабных речевых практик, делая основной акцент на массовые коммуникации.

Подобные подходы к идеологии характерны для многих исследователей в области лингвистики и анализа дискурса. Например, по мнению Г. Кресса, теория языка рассматривает его социальные функции, вынуждая «сознательно обращать внимание на проблему связи языка с материальными условиями его применения». Именно здесь «идеология» становится важной категорией, охватывающей формы знания и их связь с классовой структурой, классовыми противоречиями и интересами, способом производства и экономическим устройством [13].

П. Бергер и Т. Лукман также подчеркивают важную роль языка, называя его «социальным конструированием реальности». По их мнению, язык структурирует мир, делая его более устойчивым и взаимосвязанным. Таким образом, различие между реальным и социально сконструированным сокращается [14].

Таким образом, согласно исследователям, сам язык превращается в идеологическое явление, поскольку он обладает социально определенными оптическими эффектами. С появлением новых интерпретаций идеологии в конце XX века изучение этой категории перестало быть исключительно областью политической философии, истории идей и социальных движений, сместившись преимущественно в сферу анализа дискурса.

Дж. Балкин предлагает рассматривать идеологию как инструмент понимания, созданный в культуре человечества. По его мнению, совокупность проблем, связанных с социальной природой мышления, лучше всего описывается термином «идеология», так как большинство других понятий, используемых для этих целей (таких как дискурс, хабитус, традиция, языковые игры, интерпретационные сообщества и др.), представляют собой лишь различные версии теории идеологии, отражая отдельные части единого комплекса.

Согласно Дж. Балкину, идеологическое влияние определяется социальным контекстом. Если Дж.Б. Томпсон связывает «идеологию» определенной символической формы (текст, изображение и т. д.) с ее способностью поддерживать существующие отношения господства, то Дж. Балкин

предпочитает говорить о способности подобных «культурных программ» создавать или сохранять несправедливость. Таким образом, «чтобы понять, что является идеологическим, нам необходимо представление не только о правде, но и о справедливости» [15].

Т.А. ван Дейк в ряде работ пытался использовать концепцию идеологии для нужд критического дискурсивного анализа. Голландский исследователь относит этот концепт не ко всему пространству символических форм, а прежде всего к фундаментальным убеждениям, на которых основано социальное представительство групп. Таким образом, идеология структурирована вокруг ключевых категорий, отражающих самобытность группы, а основная стратегия идеологического дискурса выражается в принципе противопоставления: «мы» описываемся положительно, а «они» – отрицательно [15].

По мнению Т.А. ван Дейка, идеологии «отражают ментальные репрезентации базовых социальных, экономических и/или культурных понятий». Используя компьютерную метафору, можно сказать, что они в совокупности образуют «основную операционную систему» группы или культуры, а соответствующие позиции функционируют как специфические программы, выполняющие определенные социально-когнитивные задачи. В этом контексте логично говорить об идеологиях не только классов, но и многих других групп, включая гендерные, профессиональные и т. д.

Очевидно, что в интерпретации Т.А. ван Дейка идеологии не сводятся к основным философским и политическим «-измам». Напротив, их следует рассматривать как основные аксиомы неявно выраженных социальных теорий, отражающих самобытность групп и их положение в обществе.

Анализ вышеупомянутой идеологии на данном этапе четко показывает основные тенденции, связанные с пересмотром понятия «идеология». Прежде всего, это связано с расширением ее охвата. Проблема «ложного сознания» фактически устранена современными исследователями. Символические формы, посредством которых мы выражаем себя и понимаем других, не противопоставляются реальности. В некотором смысле они играют роль в конструировании реальности в определенном обществе. Именно этот факт побуждает многих авторов абсолютизировать герменевтический подход к идеологии.

Объем и сфера применения понятия «идеология» также изменились. Согласно мнению Дж.Б. Томпсона, «анализ идеологии должен быть сосредоточен не столько на светских системах убеждений, формируемых и выражаемых организованными политическими группами, сколько на том, как различные символические феномены функционируют в социальном мире». Неудивительно, что такие «измы», как расизм, сексизм и другие, которые почти не проявляются на уровне явно выраженных теорий, привлекли внимание исследователей [12].

Реконцептуализация идеологии, по сути, приводит к замене понятий. По нашему мнению, обозначение системы идей и убеждений одним и тем же термином оправдано, поскольку именно через них люди формируют, объясняют и обосновывают цели и средства социальных движений, а также широкий спектр способов деятельности как вербальных, так и невербальных символических форм. В этом случае мы имеем дело с двумя разными, но тесно взаимосвязанными явлениями. Можно предположить, что система идей и убеждений представляет собой частный случай способов функционирования символических форм. На наш взгляд, не стоит говорить о том, что идеологии как «идеологические системы» исчезают, хотя изменившиеся социальные условия неизбежно оставляют свой отпечаток на путях их формирования и функционирования.

Производство и распространение идеологии сегодня уже не является абсолютной монополией интеллигенции – в этом процессе активно участвуют и другие производители символических форм, прежде всего средства массовой информации.

Идеология выражается не только в традиционных политических текстах, она «повсюду», и поэтому для ее изучения необходимо применять различные методы анализа. Однако «новые» методы не отменяют «старые», и исследователи идеологии по-прежнему не могут обойтись без изучения «набора идей». Следует помнить, что символические формы сами по себе не могут быть идеологией. Чтобы обладать определенным идеологическим и политическим «зарядом», как показал М. Фриден, политические идеи склонны формировать кластеры. Это означает, что люди, использующие политический язык, создают сообщения, которые различаются в той или иной степени.

Идеологические кластеры не являются постоянными и неизменными, они возникают не столько в результате «железной логики» философских аргументов, сколько благодаря случайностям обстоятельств, делающих определенные комбинации актуальными. Однако «культурные ограничения могут повторять эти конкретные ситуации в разных обществах и в разных точках пространства, создавая различимые модели». Таким образом, изучение политической риторики требует системного анализа циркулирующих в ней идеологических систем.

«Массовое» производство идеологии усилило процесс разрушения ранних идеологических традиций, то есть гибридизацию идеологий, начавшуюся в начале XX века. По мнению М. Фридена, «теперь мы концептуально готовы принять мир идеологий, в котором новые комбинации являются привычным и частым явлением, и в котором границы, разделяющие их, пересекаемы» [16]. Наряду с идеологиями, предлагающими целостную картину мира, активно распространяются и «частичные» идеологии, которые не придерживаются широкого взгляда, а свободно экспериментируют с сочетанием различных идей.

Такой подход может означать, что «великие идеологические традиции» с их логикой, структурой и составом являются не чем иным, как результатом нашего ретроспективного анализа и реконструкции. Или же все они функционируют схожим образом с символическими формами, и разница между «традиционными» и «современными» идеологиями не столь велика. Однако многие исследователи склонны думать иначе. Например, английский ученый М. Биллинг и его коллеги отвергают тезис о «двух различных» концепциях идеологии: «Даже если мы не осознаем, какое идейно-семантическое наследие мы воспринимаем, идеологические течения могут проникать в наше сознание незаметно, что делает наши мысли не только нашими собственными. Более того, борьба этих течений и противоречивые тенденции прошлого продолжают влиять на содержание наших представлений о дилеммах современной жизни» [17].

Возможно, «система идей» не исчезает, но наши представления пересматриваются.

Выводы и предложения. В целом, вторая половина XX века, вероятно, стала самым беспокойным этапом многогранного изучения феномена идеологии. Несмотря на неопределённость определений идеологии, нет альтернативы следующему утверждению: идеологии являются социально определёнными способами отражения реальности, которые, в свою очередь, влияют на политическую практику и направляют её. Таким образом, анализ вышеуказанных подходов к определению понятия идеологии позволяет сделать несколько выводов.

Во-первых, несмотря на то, что многие концепции пытаются отрицать существование идеологии «вообще» или «в прежней форме», либо связывают её исключительно с кризисными периодами истории, они зачастую противоречат своим собственным основным постулатам.

Во-вторых, в этих концепциях чётко прослеживается социальная направленность: необходимость появления «особой теории», которая берёт на себя функции идеологии, часто продиктована наличием специфических социальных и групповых интересов.

Постоянно растущая роль идеологии, её глубокое проникновение во все основные сферы человеческого существования делают её не только необходимой и «вечной» силой общества, но и важной проблемой теории идеологии.

Следует выделить наиболее значимые показатели «вневременности» или «вечности» идеологии:

- её существование как необходимого структурного компонента социального сознания, а значит, она не может устареть или быть вытесненной, как иногда утверждают, «психологией здравого смысла»;
- её способность выражать обобщённые представления каждого общества о его проблемах, противоречиях, программах и целях;
- её роль как неотъемлемого средства идеологического самоопределения, самосознания определённых социальных формаций: классов, социальных групп, государств, партий и др.

Все это, конечно, не исключает исчезновения отдельных исторических форм идеологии, её специфических концепций и идейно-теоретических систем. Социальная структура общества меняется, отдельные социальные группы уходят со сцены или значительно трансформируются, и соответственно идеологические структуры «умирают» или изменяются качественно, появляются новые идеологии.

Процесс, связанный с относительной «смертью» идеологии, в первую очередь касается форм, которые уже дискредитированы, являются носителями неудачных мировоззрений, потеряли свою социальную значимость и связаны с определёнными особыми характеристиками.

С одной стороны, общество на всех этапах своего развития делится на социальные группы, каждая из которых должна осознавать своё социальное положение и общие задачи. С другой стороны, это сознание само по себе тесно связано с необходимостью перехода к интерпретации характеристик, потребностей, трудностей и противоречий, общих программ и путей развития, целей и идей, которые принадлежат всему обществу, народу, стране. Всё это делает идеологию не только идейной опорой для отдельных социальных групп, но и важной, постоянно необходимой характеристикой каждого общества, способом его существования. Без идеологии общество не может действовать вслепую и изменяться.

Очевидно, что социальные основания существования идеологии со временем изменяются, но они никогда не исчезают. Поэтому утверждения о преодолении «идеологического стиля сознания», о «деидеологизации социальной практики» в период, когда «устранены социальные условия, питающие идеологию», нельзя считать обоснованными. Идеология, появившаяся вместе с обществом, будет существовать столько же, сколько существует само общество.

Литература

1. Хомяков С.В. Методы формирования национальных идеологий // Власть. 2017. Том 25. № 1. С. 173-176.
2. Белл Даниел. Грядущее постиндустриальное общество: опыт социального прогнозирования. - Москва: Academia, 2004 (ОАО Можайский полигр. комб.). - 783 с.
3. Парсонс Т., Бейлз P.ruen, Шилз Э. Рабочие тетради по теории действия = Working Papers in the Theory of Action (1953) // Личность. Культура. Общество. 2004. Вып. 1-2; 2005. Вып. 2-3; 2007. Вып. 1-4; 2008. Вып. 1-2.
4. Zubrzycki, Jerzy (January-February 1996). "Edward Shils – a personal memoir". Quadrant. 40 (1-2): 61-63.
5. Коэн, Джин Л. Гражданское общество и политическая теория / Джин Л. Коэн, Эндрю Арато ; Пер. с англ. [Мюрберг И. И. и др.]. - Москва: Весь мир, 2003. - 782 с.
6. <http://bdn-steiner.ru/modules.php?name=Books&go=page&pid=11601>
7. Маркузе Г. Молодежный бунт. Источник свободы или новое варварство? [перевод] / Герберт Маркузе, Рауль Ванейгем. - Москва: Родина, 2023. - 206 с.
8. Маркузе Г. Одномерный человек / Герберт Маркузе; [Пер. с англ. А. А. Юдина]. - Москва: АСТ: Ермак, 2003. - 331 с.
9. Хоркхаймер М., Адорно Т. Диалектика Просвещения: Философские фрагменты. М.: Медиум, 1997. 310 с.; Хабермас Ю. Философский дискурс о модерне / Пер. с нем. М.М. Беляева и др. М.: Весь мир, 2003. 420 с.
10. Ideology and Discontent. By DAVID E. APTER, (ed.). (New York: The Free Press of Glencoe, 1964. Pp. 342.
11. Гирц К. Интерпретация культур: [пер. с англ.] / Клиффорд Гирц. - Москва: РОССПЭН, 2004 (ГУП ИПК Ульян. Дом печати). - 557 с.
12. Thompson J.B. Ideology and modern culture: Grif. social theory in the era of mass communication. - Cambridge: Oxford: Polity press, 1990. - VIII, 362 p. - In d: p. 353-362.
13. Kress G., Leeuwen T., van. Reading images: A grammar of visual design. - L.: Routledge, 2006. - x, 288 p.
14. The Routledge handbook of multimodal analysis / Jewitt C. (ed.). - L.: Routledge, 2014. - xxiv, 339 p.
15. Философия и идеология: от Маркса до постмодерна / Отв. ред. А.А. Гусейнов, А.В. Рубцов, сост. А.В. Рубцов. – М.: Прогресс-Традиция, 2018. – 464 с.
16. Фридмен М. Свобода выбирать: наша позиция / Милтон Фридман, Роуз Фридман; [пер. с англ. Татьяна Югай]. - Москва ; Фонд «Либеральная миссия» : Новое изд-во, 2007. - 354 с.
17. Billig M. Banal Nationalism / M. Billig. London: Sage, 1995. - 208 p.

